

Герберт
УЭЛЛС

Аргонавты Времени

Рассказы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
У 98

Перевод с английского
Сергея Антонова, Анастасии Бродоцкой, Алексея Круглова,
Елены Матвеевой, Наталии Роговской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

- © С. А. Антонов, составление, перевод,
примечания, 2023
- © А. М. Бродоцкая, перевод, 2023
- © А. Н. Круглов, перевод, 2023
- © Е. В. Матвеева, перевод, 2023
- © Н. Ф. Роговская, перевод, 2022, 2023
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25363-6

АРГОНАВТЫ ВРЕМЕНИ

ЧАСТЬ 1

История с экзотерической точки зрения

ОТЧЕТ О ПРЕБЫВАНИИ ДОКТОРА НЕБОГИПФЕЛЯ¹ В ЛЛИДДВУДДЕ

Примерно в полумиле от деревни Ллиддвудд, у дороги, которая переваливает через восточный склон горы Пен-и-пулл и ведет в Рустог, стоит большое здание, известное как ферма Манс². В былые времена оно было резиденцией священника кальвинистско-методистской церкви³, отсюда и происходит его название. Это невысокое странное сооружение неправильной формы расположено в какой-то сотне ярдов от железной дороги и в наши дни стремительно разрушается.

С момента его постройки во второй половине минувшего столетия⁴ дом претерпел немало превратностей судьбы. Фермер, владевший окрестными землями, давным-давно покинул его и перебрался в менее броское и более удобное обиталище. Среди прочих в Мансе некоторое время жила мисс Карно — «галльская

¹ *Небогипфель* — говорящая фамилия, происходящая от *рус.* «небо» и *нем.* *Gipfel* — «вершина».

² Название «*Манс*» (*англ.* *Manse*) означает «дом (шотландского) пастора». Как и большинство топонимов в повести, ферма Манс — вымысел автора.

³ *Кальвинистско-методистская церковь* — Пресвитерианская церковь Уэльса, возникшая в результате валлийского методистского возрождения XVIII в.; основана в 1811 г.

⁴ То есть XVIII в.

Сафо», а позднее в нем обосновался старик по фамилии Уильямс. Подлое убийство старика, совершенное двумя его сыновьями, привело к тому, что дом довольно долго пустовал и, само собой, ветшал изнутри и снаружи.

Природные стихии и сборища местных подростков быстро довершили упадок снискавшего дурную славу Манса. Страх перед Уильямсами удерживал ллиддвудских мальчишек от соблазна проникнуть в заброшенный дом, но с тем большим азартом они предались истреблению его внешних конструкций. Орудия, при помощи которых ребятня выражала и одновременно пыталась побороть свой священный страх, не оставили в здании ни единого целого стекла и нанесли серьезный урон старомодным свинцовым переплетам в узких окнах; эти повреждения, вкуче с бесчисленными обломками черепицы и зияющими проемами, обнажавшими стропила крыши, наглядно свидетельствовали о силе мальчишеской неприязни. В результате пустующие интерьеры дома оказались открыты дождю и ветру, и те при деятельной поддержке старины Времени принялись за свою разрушительную работу. Половицы и стенные панели, то промокая, то высыхая, причудливо выгибались, трескались здесь и там и в припадках ревматических болей вырывались из оков проржавевших гвоздей, которые некогда прочно их держали. Штукатурка на стенах и потолке покрылась налетом вскормленной дождями черно-зеленой плесени и мало-помалу отслаивалась от покоробившейся решетчатой драйки; по какой-то неведомой причине крупные ее куски отваливались и с гулким грохотом падали на пол не иначе как в тихие ночные часы, подпитывая суеверный слух о том, что старик Уильямс и его сыновья обречены вновь и вновь разыгрывать свою жуткую трагедию вплоть до Страшного суда. Белые розы и затейливые

вьюнки, которыми мисс Карно когда-то украсила стены, ныне устлали поросшую лишайником черепицу крыши, а их тонкие изящные побеги украдкой проникли в затянутые призрачной паутиной помещения дома. Бледные, болезненного вида грибки начали поднимать и сдвигать с мест кирпичи пола в подвале, а на гниющей древесине они собирались гроздьями, во всем великолепии однотонного и крапчатого пурпура, желто-коричневого и белого цвета. Мокрицы и муравьи, жуки и моли, бесчисленные крылатые и ползучие твари день ото дня все с большим комфортом обустроивались среди развалин; за ними следовало неуклонно возроставшее поголовье пятнистых жаб. Каждый год ласточки все теснее гнездовались в безмолвных, продуваемых сквозняками комнатах верхнего этажа, а летучие мыши и совы соперничали за сумеречные углы нижних комнат. Так весной 1887 года Природа медленно, но верно завладевала старым Мансом. «Дом приходил в упадок, стремительно и неотвратимо», — сказали бы те, кому не по душе, что покинутое людьми жилище населяют другие существа. Однако напоследок Мансу было суждено приютить под своей крышей еще одного человека.

Никто не ожидал появления в тихом Ллиддвуде нового жителя. Он возник в сельском мирке Ллиддвуда, где каждая мелочь — на виду и на слуху, без какого-либо предупреждения и буквально ниоткуда, точно упал в этот мирок с неба. Внезапно, из ничего, *очутился* тут как тут. Поговаривали, правда, что незнакомца будто бы видели сходящим с лондонского поезда, после чего он не колеблясь направился напрямик в старый Манс, не объяснив ни одной живой душе своих намерений. Впрочем, как намекал тот же хорошо осведомленный источник, впервые незнакомца заметили, когда он с необыкновенной скоростью неся по крутым

склонам Пен-и-пулла верхом на чем-то, что, по словам рассудительного наблюдателя, изрядно смахивало на решето, а затем, добравшись до цели, проник в дом через печную трубу. Из этих противоречивых слухов в округе поначалу повсеместно распространился первый, однако второй вызвал больше доверия — благодаря странному облику и эксцентричному поведению приезжего. Впрочем, каким бы способом незнакомец ни прибыл, он, несомненно, находился в доме — и владел им — с первого мая¹; ибо утром того дня миссис Морган Аппллойд-Джонс, а потом и многие другие, кого ее рассказ привел на склон горы, узрели его за любопытным занятием: неизвестный заколачивал листами жести зияющие оконные проемы своего нового жилища — «делал дом слепым», по меткому выражению миссис Морган Аппллойд-Джонс.

Он был невысокого роста, очень худощав, с лицом землистого цвета, облачен в обтягивающее одеяние из какого-то плотного темного материала — мистер Парри Дэвис, ллиддвудский сапожник, высказал мнение, что это кожа. Его орлиный нос, тонкие губы, высокие скулы и острый подбородок были небольшими и изящными, но из-за крайней худобы лицевые кости и мышцы явственно проступали под кожей. По той же причине его большие серые, лихорадочно блестящие глаза выглядели запавшими, спрятавшимися под необычайно широким и высоким лбом, который казался непропорционально развитым в сравнении с другими частями

¹ Значимая для дальнейшего повествования дата: незнакомец появляется в Ллиддвуде в День святой Вальбурги (Вальпурги), после Вальпургиевой ночи, в которую, согласно средневековым немецким поверьям, получившим распространение во многих западноевропейских странах, наблюдается неистовый разгул нечистой силы и происходят сборища ведьм, оборотней и душ усопших с участием Сатаны.

лица и сильнее всего привлекал внимание наблюдателя. Складки, морщины и жилы на лбу также были естественно велики. А ниже горели глаза, точно огоньки в пещере у подножия скалы. Лоб настолько превосходил и подавлял остальные черты лица, в целом бесспорно привлекательного, что придавал ему выражение почти нечеловеческое. Этот эффект скорее подчеркивали, чем скрадывали неопрятные пряди прямых черных волос, которые, спадая на глаза, добавляли к исключительной высоте лба намек на гидроцефалию¹; впечатлению чего-то сверхчеловеческого способствовала и отчетливо различимая сквозь желтую прозрачную кожу пульсация крови в височных артериях. Памятуя обо всем этом, не приходится удивляться, что наиболее поэтические натуры среди валлийцев² Ллиддвудда отнесли к теории о прибытии в решетке с немалым доверием.

Впрочем, уверовать во вмешательство колдовских сил местных жителей заставили не только облик приезжего, но и — в гораздо большей степени — его манера держаться и образ жизни. Наблюдая за ним в различных обстоятельствах и ситуациях, ллиддвуддцы вскоре обнаружили, что его поведение и привычки коренным образом отличаются от их собственных и пуще того — не объяснимы никакой доступной им логикой. Взять, например, для начала пустячный случай, когда Артур Прайс Уильямс, личность, благодаря компанейскому складу характера хорошо известная во всех кабаках Карнарвоншира³, попытался на изысканнейшем

¹ *Гидроцефалия* — заболевание, характеризующееся избыточным скоплением цереброспинальной жидкости в желудочках головного мозга; типичным симптомом этого недуга является непропорциональное развитие окружности головы.

² *Валлийцы* — жители Уэльса.

³ *Карнарвоншир* — графство на северо-западе Уэльса.

валлийском и даже на изысканнейшем английском вовлечь незнакомца в разговор о сцене с листьями жести, но потерпел сокрушительное фиаско. Наводящие вопросы, расспросы напрямик, предложения помощи, практические советы, сарказм, ирония, оскорбления и, наконец, вызов на бой (пусть и робко выкрикнутый из-за придорожных кустов) — все осталось без ответа и, по-видимому, не было услышано. Метательные снаряды, как выяснил опытным путем Артур Прайс Уильямс, оказались столь же негодным средством знакомства, и собравшаяся толпа разбрелась, полная неутоленного любопытства и подозрений. Вечером того же дня темную фигуру хозяина Манса заметили на горной дороге: он, с непокрытой головой, шел в сторону деревни, ступая таким стремительным и широким шагом и с такой решимостью в лице, что Артур Прайс Уильямс, завидев его издали с порога «Свиньи и свистка», ощутил невероятный ужас, спрятался на кухне за голландской духовой печью и сидел там до тех пор, пока приезжий не проследовал мимо таверны. На учеников, как раз выходявших из здания школы, также накатил волна панического страха, которая увлекла их обратно в классы, словно листья, гонимые ветром. Незнакомец же всего-навсего искал продуктовую лавку; найдя ее и пробыв там продолжительное время, он вышел с грудой пакетов из синей бумаги, где лежали буханка хлеба, селедки, свиные ноги, шпик и бутылка из темного стекла, — и прежней стремительной поступью воротился в Манс. Покупки он делал, просто называя то, что ему было нужно, не обременяя себя учтивостью манер, ничего не прося и не объясняя. Трюизмов хозяина лавки о погодных приметах, равно как и расспросов о том о сем, посетитель, казалось, не услышал, и его можно было бы счесть глухим, если бы он не проявлял живейшего внимания к любой реплике, хоть мало-мальски связанной с целью его визита. Посему в деревне быстро

распространился слух, будто незнакомец намерен — за немногими исключениями, вызванными крайней необходимостью, — избегать контактов с окружающими.

Он зажил таинственной жизнью в ветшающем доме, без прислуги и друзей, где, судя по всему, спал на голых досках или на подстилке из соломы, а еду либо готовил сам, либо употреблял в сыром виде. Все это, вкуче с распространенной верой в призрачных отцеубийц, якобы населявших Манс, заметно упрочило популярную теорию о том, что между приезжим и остальным человечеством пролегает обширная пропасть. Если что-то и противоречило идее оторванности от рода людского, так это постоянный приток корзин с замысловато изогнутой стеклянной посудой, ящичков с инструментами из стали и меди, огромных мотков проволоки, всевозможных устройств непонятного назначения из железа и огнеупорной глины, склянок и пузырьков с черными и красными этикетками, грозно предупреждавшими: «ЯД», толстенных связок книг и гигантских рулонов чертежной бумаги, которые прибывали в ллиддвудское жилище незнакомца из внешнего мира. Мистер Пью Джонс все же сумел установить имя и звание нового владельца Манса, тщательно изучив надписи на этих грузах, напоминавшие иероглифы и гласившие: «Мозесу Небогипфелю, д. ф.¹, ч. к. о.², СЗЖД³, оплачено». Его открытие лишь укрепило в обитателях Ллиддвудда, особенно тех, кто понимал только по-валлийски, первоначальные недобрые предчувствия. Упомянутые посылки, ввиду явной их непригодности для какого бы то ни было дела, приличествующего простому смертному, невольно наводили на мысль об их дьявольском назначении; местных жителей охватили

¹ Доктору философии.

² Члену Королевского общества.

³ Северо-Западная железная дорога.

смутный ужас и жгучее любопытство, приумноженные необыкновенными происшествиями (и еще более необыкновенными рассказами о них), которые последовали за доставкой в Манс пресловутых грузов.

Первое из этих происшествий случилось 15 мая, в среду, — в день, когда прихожане ллиддвуддской кальвинистско-методистской церкви отмечали свой ежегодный праздник; по этому случаю в согласии с установившимся обычаем в деревню стеклись верующие из соседних приходов — Рустога, Пен-и-гарна, Кэргиллудда, Лланрдда и даже отдаленного Лланруста. Благодарность Провидению традиционно выражалась в виде хлебного пудинга с изюмом, чайной смеси, терцы, освященного флирта, «поцелуев в кружкэ»¹, импровизированного футбола и ругани на политические темы. Примерно в половине девятого веселье начало стихать, а в девять многочисленные парочки и редкие группы гостей потянулись по окутанной мраком горной дороге, ведущей из Ллиддвудда в Рустог. Вечер был тихий и теплый — один из тех вечеров, когда жечь светильники и газовые лампы или спать крепким сном кажется глупой неблагодарностью по отношению к Творцу. В небе над головой разлилась несказанно глубокая сияющая синева, на западе в сгущавшейся мгле горела золотом вечерняя звезда. На северо-северо-западе виднелось слабое свечение угасавшего дня. Бледный серп луны еще только восходил над затянутым туманной пеленой могучим плечом Пен-и-пулла. С восточной стороны на фоне тусклого неба из смутных очертаний горного склона отчетливо проступала одинокая черная громада Манса. Безмолвие сумерек поглотило великое множество дневных шумов; окрестную тишину нарушали только звуки шагов, голоса и смех, то и дело

¹ «Поцелуй в кружке» — старинная сельская игра, в которой поймавший целует пойманную.

доносившиеся со стороны дороги, да ритмичный стук молотка в объятom темнотой доме. Внезапно вечерний воздух наполнился странным гулом, одновременно жужжащим и гудящим, и яркие вспышки озарили дорогу перед путниками, чьи изумленные взгляды тотчас обратились к старому Мансу. Дом больше не мрел во тьме безликой черной глыбой — он был сплошь залит брызжущим наружу светом. Из зияющих дыр в крыше, из каждой щели в черепице и между кирпичами, из каждой брешки, что пробили в этой ветхой потрескавшейся скорлупе Природа и человек, струилось ослепительное голубовато-белое сияние, в сравнении с которым восходящая луна смотрелась матовым зелено-желтым диском. Легкая дымка вечерней росы повисла облачком над бесцветным свечением, исходившим из Манса, и приобрела загадочный фиолетовый блеск. Неожиданно дом огласили непонятный шум и крики, которые становились все громче, а вслед за этим собравшаяся толпа услышала сильные лязгающие удары по листам жести, закрывавшим окна. Потом озаренные изнутри проломы в крыше вдруг извергли диковинный рой разнородных созданий — ласточек, воробьев, сов, летучих мышей, мириады насекомых, которые на несколько минут гулкой, кружащейся и растекающейся тучей зависли над чернеющими фронтонами и печными трубами... после чего она медленно поредела и растворилась в ночи.

Когда переполох прекратился, до толпы снова донесся прежний пульсирующий гул, который становился все более явственным, покуда не остался единственным звуком, тревожившим тишину местности. Наконец дорога мало-помалу опять ожила — горстки жителей Рустога одна за другой, отвратив взоры от слепящей белизны, в глубокой задумчивости продолжили путь домой.

Образованный читатель, несомненно, уже догадался, что за удивительным явлением, заронившим множество невероятных мыслей в головы достопочтенных жителей Рустога, скрывалось просто-напросто пробное включение в Мансе электричества. Воистину эта новая перемена в старом доме казалась самой странной из всех, что выпали на его долю. Его возвращение к брэнной жизни было сродни воскресению Лазаря¹. С этого часа каждый закоулок стремительно менявшегося интерьера за ослепленными жестью окнами дено и ночью озаряли вспышки укрощенной молнии. Бешеная энергия маленького доктора, обладателя прямых волос и кожаных одежд, загнала в потаенные щели и дальние углы или вовсе уничтожила ползучие растения, ядовитые грибы, листья роз, птичьи гнезда и яйца, паутину и все те покровы и украшения, в которые выжившая из ума старуха-мать, Природа, долго обряжала ветшавший дом, готовя его к прощальной церемонии. Электромагнитный аппарат неустанно жужжал среди руин обитой деревянными панелями столовой, где в восемнадцатом столетии тогдашний хозяин Манса набожно читал утренние молитвы и поглощал свой воскресный обед, а на месте драгоценного буфета священника ныне высилась неприглядная куча печного кокса. Духовая печь в пекарне была переделана в кузню; хриплые вздохи ее мехов и прерывистые вспышки алых искр заставляли спешивших мимо деревенских женщин, не читавших ничего, кроме Библии, торопливо бормотать по-валлийски: «Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя»². Происходящее в Мансе вселило в этих добрых людей уверенность, что к былым ужасам дома с привидениями прибавился

¹ См.: Ин., 11: 1–44.

² Иов., 41: 13.

прирученный, но временами проявлявший свой норов Левиафан¹. Для различных механизмов, больших медных отливок, оловянных слитков, заполненных доверху бочек, ящиков и пакетов, которые продолжали бесперебойно поставляться в дом, требовалось немало места, и ради этого были принесены в жертву почти все внутренние стены здания; вдобавок неутомимый ученый безжалостно спилил лаги и половые доски верхних комнат таким образом, чтобы смастерить из них полки и угловые подпорки в покоем на атриум пространстве между подвалом и стропилами. Часть самых крепких досок пошла на изготовление широкого грубого стола, и теперь на нем быстро росли кипы папок и векторных диаграмм. Ум доктора Небогипфеля был, по-видимому, всецело поглощен этими геометрическими построениями — занятием, которому оказались подчинены все прочие стороны его жизни. Причудливые переплетения линий — схемы, вертикальные проекции, сечения, образующие гибридные сочетания каркасных, поверхностных и твердых моделей, — созданные опытными руками ученого при помощи счетных логарифмических устройств и перфорационных машин, быстро ярд за ядром покрывали бумагу. Некоторые из этих умозрительных конструкций он отправил в Лондон, и спустя некоторое время они вернулись обратно — *воплощенные* в латуни и слоновой кости, никеле и красном дереве. Иные он сам превратил в трехмерные изделия из дерева и металла; порой он отливал металлические заготовки в песчаных формах, но чаще старательно выпиливал их из чурбаков для большей точности размеров. В последнем случае он использовал, среди

¹ *Левиафан* — ветхозаветный многоголовый огнедышащий морской змей, созданный Богом среди прочих морских чудовищ; подробно описан в Книге Иова (40: 20 — 41: 26).

прочих инструментов, стальную циркулярную пилу с напыленной на зубья алмазной крошкой; посредством пара и зубчатой передачи ее диск разгонялся до невообразимых скоростей. Это приспособление как ничто подогрело болезненную неприязнь ллиддвуддцев к доктору, утвердив их в мысли, что он колдун и преступник. Нередко в полночной тишине (ибо новый обитатель Манса в своих неустанных исследованиях не обращал внимания на восходы и закаты солнца) жители окружающих Пен-и-пулл домов просыпались от звуков, которые поначалу казались жалобным бормотанием, похожим на стоны раненого, постепенно становились все выше и интенсивнее, превращаясь в страстный, надрывный протест, и в конце концов обрывались резким пронзительным визгом, часами отдававшимся в ушах добропорядочных обывателей и насылавшим на них одно кошмарное видение за другим.

Эти загадочные звуки и необъяснимые явления, бесцеремонные манеры и явное беспокойство доктора в те моменты, когда он не был занят работой, его строгое и ревниво оберегаемое уединение, его нескрываемая враждебность к назойливым незваным гостям до крайности возбудили всеобщее раздражение и любопытство. Возник даже замысел провести расследование его деятельности (включающее, вероятно, испытание водой¹), как вдруг скоропостижная кончина горбуна Хьюза вследствие припадка привела к неожиданной развязке. Он умер в разгар дня посреди улицы, прямо

¹ *Испытание водой* (лат. iudicium aquae) как средство выявления связи с дьяволом утвердилось в антиведовской практике в Средние века и достигло своего апогея в XVII в. Суть его заключалась в том, что большой палец правой руки предполагаемого колдуна или ведьмы привязывали к большому пальцу левой ноги, после чего испытуемого трижды погружали в воду. Если подозреваемый в колдовстве плавал на поверхности и не тонул, он признавался виновным, и наоборот.

напротив Манса. С полдюжины людей были тому свидетелями. Они видели, как несчастный внезапно упал и покатился по дороге, словно отчаянно борясь с невидимым противником. Когда подошла помощь, бедняга лежал с побагровевшим лицом, а на его посиневших губах выступила липкая пена. Едва к нему успели прикоснуться, он испустил дух.

Оуэн Томас, врач общей практики, тщетно убеждал возбужденную толпу, стремительно собравшуюся возле «Свиньи и свистка», куда было принесено тело, что Хьюз умер самой что ни на есть естественной смертью. Жуткое подозрение, что покойный стал жертвой надмирных сил, приписываемых доктору Небогипфелю, как зараза распространилось по округе. С молниеносной быстротой новость разнеслась по деревне, наводнив весь Ллиддвудд яростным желанием покарать виновника этого злодейства. Отъявленное суеверие, которое дотоле скромно (из боязни стать посмешищем или страха перед доктором) бродило по деревне, теперь смело предстало взорам всех и каждого в грозном и величавом обличье истины. Люди, прежде скрывавшие свои опасения перед похожим на чертика философом, неожиданно открыли для себя невероятное удовольствие в том, чтобы шепотом поверять родственным душам пугающие догадки, и, сочувственно встреченный слушателями, их шепот вскоре превратился в полные уверенности речи, произносимые во весь голос. Упоминавшаяся выше сказка о плененном Левиафане, до сих пор остававшаяся ужасной, но тайной радостью кучки невежественных старух, сделалась всеобщим достоянием в качестве неоспоримого факта; утверждалось — со ссылкой на свидетельство миссис Морган Апллойд-Джонс, — что однажды этот монстр преследовал ее едва ли не до самого Рустога. Рассказ о том, как Небогипфель вместе с Уильямсами предавался песнопениям, полным чудовищных богохульств, и как после

этого через дыру в крыше в Манс проникла «черная крылатая тварь размером с теленка», был безоговорочно принят на веру. Одно неудачное падение на погосте породило леденящую душу историю о том, как доктора, точно кладбищенского вора, застигли у свежей могилы, которую он разрывал своими длинными белыми пальцами. Электрический свет, падавший на дерево за домом, которое раскачивалось от порывов ветра, позволил многим клятвенно заявлять, будто Небогипфель вместе с убитым Уильямсом вешал сыновей последнего на призрачной виселице. По деревне циркулировала добрая сотня подобных баек, омрачавших и без того гнетущую атмосферу. Преподобный Элайджа Улисс Кук, прослышав о волнениях, отправился утихомиривать страсти, но сам едва не стал мишенью всеобщего гнева.

В понедельник 22 июля около восьми вечера против «некроманта»¹ выступило внушительное уличное шествие. Его ядро составила горстка смельчаков, включая Артура Прайса Уильямса, Джона Питерса и некоторых других; ближе к ночи они взметнули вверх факелы, брызжущие огненными искрами, и принялись выкрикивать отрывистые угрозы. Позже с видимой неохотой подтянулись менее отважные мужчины, а с ними, группами по четверо-пятеро, — их жены, чьи пронзительные истеричные визги и буйное воображение изрядно накалили толпу. Затем из притихших темных домов начали робко выскальзывать охваченные неодолимым ужасом молодые девушки и детвора, спеша на желтое сияние смолистых сосновых факелов и возбужденный гомон все возраставшего сборища. Около девяти перед таверной «Свинья и свисток» оказалась почти половина населения Ллиддвудда. Сквозь невнятный гул мно-

¹ *Некромант* — заклинатель мертвых.

жества глоток слышался хриплый, надтреснутый голос кровожадного старого фанатика Причарда, призывавшего извлечь должный урок из судьбы четырехсот пятидесяти идолопоклонников с горы Кармил¹.

С боем церковных часов началось стихийное движение вверх по склону горы, и вскоре все — мужчины, женщины и дети, объятые страхом и жавшиеся друг к другу, — стали приближаться к дому злосчастного доктора. Когда ярко освещенная таверна скрылась из виду, дрожащий женский голос затянул один из тех мрачных гимнов, звуки которых так тешат слух кальвиниста. Мелодию тотчас подхватили — сперва двое-трое, а потом и вся процессия, и шарканье множества тяжелых башмаков быстро подстроилось под ритм гимна. Но вот цель шествия, как сияющая звезда, показалась из-за поворота дороги, и пение разом стихло; лишь голоса запевал все еще продолжали звучать — несколько нестройно, зато истовее, чем прежде. Как ни старались они своим упорством подать пример остальным, толпа неуклонно замедляла шаг, а достигнув ворот Манса, замерла как вкопанная. Еще недавно смутный страх перед будущим понуждал жителей деревни смело ступать вперед — теперь же страх перед настоящим в мгновение ока задушил своего собрата. Сильный свет, бывший из щелей огромного, молчаливого, как смерть, здания, озарял ряды бледных лиц, на которых читалась нерешительность; среди детей раздались приглушенные испуганные всхлипы.

— Ну, — произнес Артур Прайс Уильямс, обращаясь к Джеку Питерсу с притворным видом смиренного ученика, — что мы будем делать *теперь*, Джек?

¹ Аллюзия на ветхозаветный эпизод испытания истинной и ложной веры на горе Кармил и последующей казни 450 пророков Ваала пророком Илией (см.: 3 Цар., 18: 19–40).

Но Питерс разглядывал Манс в явной нерешительности и проигнорировал вопрос. Ллиддвуддская охота на ведьм, похоже, неожиданно оказалась на грани провала.

В этот момент старый Причард внезапно протолкнулся вперед, неистово размахивая длинными костлявыми руками.

— *Что?!* — воскликнул он надтреснутым голосом. — Вы страшитесь покарать того, кто ненавистен Господу? *Сжечь колдуна!*

Выхватив у Питерса факел, он распахнул хлипкие ворота и припустил по аллее к дому, оставляя в ночном воздухе извилистый искрящийся след.

— *Сжечь колдуна!* — донесся из колышущейся толпы чей-то пронзительный вопль, и охваченная стадным инстинктом орава, издавая бессвязные крики, ринулась вслед за фанатиком.

Горе философу! Ллиддвуддцы ожидали, что наткнутся на забаррикадированные двери, однако подвешенные на ржавых петлях створки без труда отворились от удара Причарда, с глухим треском признав свою негодность. Слепленный шедшим изнутри светом, предводитель замер на пороге, меж тем как его сторонники струдились у него за спиной.

Те, кому довелось там побывать, рассказывают, что в монотонном сиянии электрических ламп их взорам предстал доктор Небогипфель, который стоял на причудливом сооружении из латуни, слоновой кости и красного дерева и как будто улыбался — с жалостью и одновременно с презрением, как, говорят, обычно улыбаются мученики. Более того, некоторые утверждают, что рядом с ним восседал высокий человек, облаченный во все черное, а иные даже уверяют, будто бы этот второй (чье присутствие иные отрицают) напоминал лицом преподобного Элайджу Улисса Кука, —

Уэллс Г.

У 98 Аргонавты Времени : рассказы / Герберт Уэллс ; пер. с англ. С. Антонова, А. Бродоцкой, А. Круглова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25363-6

Английский прозаик Герберт Уэллс — один из основоположников научной фантастики, автор около двухсот книг, писатель, чьи вымыслы, идеи, наблюдения, предвидения, предостережения и просветительские усилия изменили сознание людей XX века. Помимо знаменитых романов, названия и образы которых прочно вошли в языковой и культурный обиход человечества, Уэллс также создал почти сотню рассказов, отмеченных неистощимой выдумкой, широтой тематического репертуара и неизменной занимательностью сюжетов. В настоящий сборник включены знаковые образцы малой прозы писателя: здесь и ранняя повесть, предвосхитившая коллизии «Машины Времени» и «Человека-невидимки», и остроумные наблюдения за характерами и нравами англичан, и рассказы о творческих муках художника, и иронические детективы, и мрачный этюд об отложенной мести, и бурлеск из жизни пионера авиации, и антиутопическая новелла о далеком будущем, и, конечно, фантастические истории о загадочном и необъяснимом...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС
АРГОНАВТЫ ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Юлия Теплова, Александр Киселев

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 12.04.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, к. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

A-AKB-34357-01-R